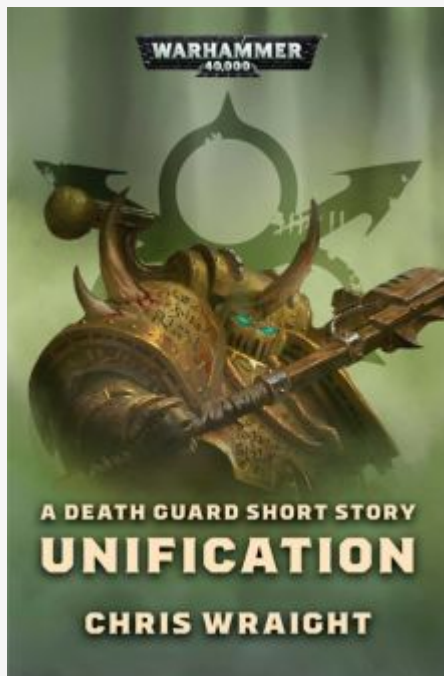

Объединение / Unification (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Объединение / *Unification* (рассказ)

Автор	Крис Райт / Chris Wright
Переводчик	Йорик
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Воители и вожди / Warriors and Warlords
Год издания	2018
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сюжетные связи

Входит в цикл	Гвардия Смерти
Следующая книга	Стойкость / Endurance

Ещё один мир, падающий, словно гнилой плод с низких ветвей. Один за другим все они оказывались в объятиях Крестового похода.

Воркс даже не мог правильно выговорить название планеты, Оура'Нуоама, или как-то так, ведь имя ей дали чужаки. Ксеносы со ртами, похожими на флейты, и крыльями, тонкими как осенняя паутинка и ловящими янтарный свет раздувшегося солнца. А ещё пушками, пучковым оружием и небесными кораблями, парящими на двигателях обратной тяги, что обжигают воздух ало-синим огнём.

«Крылья... Такие ломкие, - подумал Воркс, - такие тлеющие...»

Уже скоро этот мир падёт. Его дворцы из застывшего стекла разбиты, а моря вспенились от крови убитых, цветом похожей на вино. К поверхности опускаются тяжёлые штурмовые платформы, почерневшие и дымящиеся. С низкой орбиты вслед за ними уже летят терраформаторы, неся с собой хим-модули размером с города, которые испарят океаны и выжгут из воздуха яды.

Конечно, отравой это является лишь для человеческих лёгких. Сами ксеносы с удовольствием дышали этой мерзостью веками, но теперь немногие выжившие чужаки могут лишь бессильно наблюдать за тем, как армады Крестового похода превращают их драгоценную биосферу во враждебный мир опалённых скал и кипящих морей.

«Их дух сломлен, - думает Гвардеец Смерти. - Их шеи трещат в наших пальцах...»

Вскоре от ксеносов останутся лишь воспоминания и пометки в документах, которые сделают адепты Механикума и он, скрыв это ото всех остальных.

Угроза Оура'Нуоама была, во всяком случае, по оценкам далёких генералов-терранцев, столь велика, что на устранение её направили Астартес двух легионов. Первым из них была отправившая больше воинов Гвардия Смерти, известная по всему Империи своей устойчивостью к ядам и странностям. Куда меньше легионеров прибыло от Кровавых Ангелов, вызывающих восхищение у честных граждан и страх у преступников. Говорили, что все на Терре любили этих воителей...

По своему обыкновению Воркс тщательно изучил числа перед началом операции. Гвардия Смерти прислала Третью великую роту во главе с Венаром Грагандой, на данный момент насчитывающую 11450 воинов, из которых он сам, будучи капитаном, командовал Второй когортой из 678 легионеров. Однако легион Кровавых Ангелов, втянутый на данный момент в многочисленные сражения, смог выделить для боевых действий на Оура'Нуоама лишь два ордена, насчитывавшие немногим более двух тысяч космодесантников. В этом можно было увидеть как оскорбление, так и лучший из результатов при имеющихся тяжёлых условиях, но Воркс догадывался, как всё это воспринял его примарх.

Впрочем, сейчас все войска были брошены в бой и сражались на поверхности, круша кости последних защитников забрызганными грязью саботонами. Небо стало тёмно-красным, обесцвеченным начавшими работать мировыми преобразователями, и в этом зловещем сиянии Кровавые Ангелы казались мрачными призраками. Капитан всюду видел других Гвардейцев Смерти, поднимающихся по длинным ущельям, видел, как их доспехи цвета кости покрылись полосками и пятнами. Где-то в двух километрах к западу, там, где среди дыма и пламени вздымалась остроконечная скала Последнего Города, танковая рота старательно крушила покрытые весьма причудливыми узорами ворота. Несколько десантно-штурмовых кораблей обстреливали позиции дальнобойной артиллерии, но удавку на шее противника, как и всегда, стягивала пехота. Гвардейцы Смерти наступали медленно и неотвратимо, не обращая внимания на бьющие по броне незаряженные частицы, приближаясь всё ближе к зоне поражения болтеров и клинков. Они не спешили. Неторопливость давала страху время стуситься, разнестись и сломить волю врага, и потому, когда они ворвутся на стены, половина дела уже будет сделана.

Справа от Воркса наступали его союзники. В удушливых клубах фицелина их броня казалась тёмной, но

после каждого взрыва на золотых украшениях сверкали отблески огня. Гвардейцу Смерти это казалось глупым. Его доспехи были столь же тёмно-грязными, как сама развороченная земля вокруг, отчего он казался почти невидимым, окутанным грязью, укрытым ей и оберегаемым. Кровавые Ангелы же пытались остаться как можно более чистыми. Бронзовая гравировка и картины всё так же гордо сияли на их доспехах. Легионеры шли в битву открыто, веря, что смогут сокрушить любого, кто осмелится им противостоять. Возможно, дело было в их родном мире, ведь Воркс слышал об его равнинах и открытых небесах, так непохожих на окутанные саваном тумана топи, в которых вырос он сам.

Капитана Кровавых Ангелов звали Каманио. Перед началом штурма они едва перебросились парой слов, но теперь шли почти бок о бок. Воркс чувствовал, что Каманио тоже оценивает его. Впрочем, так оно и должно быть, ведь скоро клин из воинов обоих легионов будет штурмовать осыпающиеся стены, и всем нужно знать, чего стоят те, кто сражается рядом...

Кровавый Ангел чуть склонился в сторону, и мимо его правого наплечника с воем пронёсся поток частиц. В ответ Каманио сделал единственный выстрел из своего оружия, волкитной серпенты с украшенным чеканкой стволом, и далёкий взрыв подтвердил, что он попал в цель.

- Метко стреляешь, - усмехнулся Воркс, отчего-то чувствуя, что им следует понять друг друга.

Каманио лишь кивнул, сделал тяжёлый шаг вперёд, таща себя через доходящую до колена грязь, и начал искать новую цель. Что-то в его движениях выдавало презрение. Кровавый Ангел предпочёл бы двигаться свободно, бежать навстречу противнику, и нетерпение окутывало его, словно мускусный запах.

Воркс не стрелял, уже держа наготове оружие ближнего боя - тяжёлый гладий, иззубренный после бесчисленных ударов, но ещё не отточенный вновь.

- Проклятый вонючий мир, - проворчал Каманио.

Сам Воркс даже не чувствовал запахов, за исключением, может быть, тех, которые легионеры принесли с собой. Запаха разлитого прометия, химического смрада тяжёлых орудий. Они даже не использовали здесь ни фосфекса, ни биологического оружия, которое дало такие хорошие результаты на Промаде IV.

Стены, освещаемые неприцельным огнём защитников, были уже близко.

- Он уже скоро падёт, - сказал Воркс, сам не зная, почему. Наверное, ему казалось важным ответить на источаемое сынами Ваала высокомерие.

Если Каманио и хотел ему что-то ответить, то его прервала внезапная вспышка зелёного света на восточном фланге, там, где клин связанных клятвами рыцарей прижал остатки тяжёлой бронетехники ксеносов. Все повернулись туда, чувствуя едкий привкус и внезапное падение температуры после перемещения через варп.

Примарх был здесь, меньше чем в километре от них, в окружении воинов Савана Смерти в их громоздких заиндевевших доспехах. Даже на таком расстоянии его присутствие воистину подавляло, отчего казалась, что вокруг него вращается вся битва. Тёмно-серый плащ взметнулся позади Мортариона, шагнувшего на врагов, ещё когда вокруг него мерцали последние следы энергии, высвобожденной при телепортации. Он был высоким, худым, бледным, воплощением одновременно измождённости и мощи. Завороженный Воркс почувствовал, что застыл, а потом покосился на Каманио.

Лицо Кровавого Ангела было скрыто под шлемом, но Гвардеец Смерти слышал тихий гул и треск

используемой вокс-бусины. Похоже, кузен что-то говорил своим воинам.

- Великолепно, - начал Воркс, пытаясь в третий и последний раз добиться взаимопонимания. - Нас сопровождает сам примарх, это великая честь.

Затем Каманио повернулся к нему, неторопливо, сместив вес на выставленную вперёд ногу, погружающуюся в хлюпающую трясину. Он подошёл ближе.

- Воины спрашивают меня, как кто-то может следовать за этим доходягой, кожа да кости, и называть его «примархом»? Право слово, я не знаю, что им ответить.

Ошарашенный Воркс ничего не ответил, а Каманио уже вновь направился в цели.

Кровавый Ангел наступал, ведя своих воинов к общей цели, а в ушах Гвардейца Смерти звенели его слова, полные небрежного аристократического презрения. Ворксу даже захотелось наброситься на Каманио с клинком в руках, прижать к земле и заставить подавиться оскорблением. А повсюду вокруг наступали его ничего не слышавшие воины. Шагали так же, как и всегда, не жалуясь, будучи собранными и думающими лишь о цели. Сегодня сам примарх увидит, как они сражаются в бою...

«Доходяга, кожа да кости...»

Воркс встряхнулся, чувствуя, как внутри него, словно горящая нефть, растекается гнев, и зашагал быстрее, решив не дать Каманио одному ворваться в брешь...

«Право слово, я не знаю, что им ответить...»

«Как же он невежествен, - мрачно подумал Воркс, - и мало знает».

Ещё один мир, окутанный туманом, который никогда не развеивается, но пробирает до костей. Густым, словно кровь, капающим на стылую землю.

Долгие ночи подобны настоящим эпохам тьмы, за которыми следуют слишком короткие серые тени дней. Камни окутаны тёмной паутиной плесени. Влажно везде, отчего костры, разведённые из прогнившего дерева, тлеют и сыплют искрами, в них больше дыма, чем огня, и собравшиеся вокруг них юнцы заходятся в кашле.

Ни один человек не сможет забыть об окружающих его горах, пусть они и скрыты за белесыми густыми облаками. Они так огромны и невероятно высоки, что постоянно давят на сознание, лишая жизненных сил, замедляя, разрушая решимость... Постоянно дующие с вершин холодные ветра спускаются вплоть до влажных низменностей, отчего живущим там людям никогда не избавиться от чувства уныния.

Воркс прячется за углом дома своей семьи, держа в тощей руке изогнутый штыр. Он дрожит, и по его предплечью тонким ручейком течёт влага. Где-то там Аворн, его отец, сжимает длинную косу, которой прежде рассекал жухлую пшеницу. На дальней стороне высланного соломой двора съёжилась его мать, Клев, взявшая с собой молот, чья рукоять разбита. Спрятались и остальные жители деревни, одни присели за низкими каменными стенами, другие прижались к сделанным из чёрного дерева дверям, третьи же забрались в гниющие стога. Все двадцать пять человек.

С горных вершин дует леденящий ветер, раскачивая повешенные вокруг деревни лоскутки и амулеты из соломы. Костлявая собака ковыляет к теням, туда, где её бы не увидели. Зверь знает, что приближается

к деревне, и потому опустил голову и поджал хвост так, что его едва видно.

Иногда Воркс шепчет что-то сам себе. Вспоминает имена, которые рассказывала ему мать, долгую родословную семьи, тянущуюся в ставшее легендами прошлое... Или пытается повторить то, чему его учит отец, часы, изменения непредсказуемой погоды, дни, когда нужно собирать жатву, дни, когда нужно сеять. Леденящий душу мир безжалостен к тем, кто не может уследить за ходом времён, и потому числа стали святыми для живущих на нём крестьян.

Его потрескавшиеся и холодные губы безмолвно движутся. Третье Ретена. Седьмое Ар-Манта. Закончить всё к тринадцатому Кананда...

Он ненавидит эту слабость, ведь добродетелями для его собратьев являются безмолвие и неподвижность. Бледные короли пройдут мимо тех, кто молчит. Их пытливые взгляды не увидят тех, кто не двигается... Если бы Воркс был сильнее, то плотно сжал бы губы и не двигался, пальцы бы не дрожали, а сердце так бы не колотилось в тощей груди.

Воздух колышется впереди за утопающей в грязи оградой их с таким трудом построенного поселения. Дрожит чёрная трава, которую тянет к земле роса и колышут порывы студёного ветра. Воркс не может ничего различить в тумане дальше, чем на десяток метров. Впрочем, это не тот мир, где можно увидеть что-нибудь дальше, чем можно протянуть руки. Единственное, что остаётся – самому пойти в туман и пережить все испытания, с которыми встретишься, или погибнуть.

Шевелится Греда, подбирая тяжёлые юбки, и украдкой идёт к хлеву. В её покрытой мозолями руке дубинка, отчего Воркс чувствует вероломный призрак надежды. Греда – хороший боец, её кости не страдают от гнили, и она стара, говорят, старше тридцати лет, что само по себе – впечатляющее достижение.

Воркс пытается унять дрожь. Склоняет голову на бок, прислушиваясь. Невозможно понять, что же таится во мгле, шипящей, шуршащей, манящей ложными голосами. Поначалу он не слышит ничего, лишь протяжный свист ледяного воздуха да шелест травы. Но затем чувствует это... слабую дрожь. Видит, как напрягся отец, как мать проводит грязной ладонью по молоту.

И снова дрожь, расходящаяся по земле, приглушённый стук доносится из тьмы. Воркс вздрагивает, чувствуя, как по нему течёт пот, смешивающийся с липнувшими каплями тумана. Он тянет назад тяжёлый капюшон, неизменную часть одежды всех крестьян, и вглядывается во мрак, надеясь, что из него не появится ничего... однако зная, что что-то пришло за ними.

Когда же из тумана выходит бледный король, то Воркс едва удерживается от крика. Своими пропорциями и формой тела чудовище похоже на человека, но огромно настолько, что словно родилось из страшных снов; одетое в липнувшие к телу лохмотья, оно ковыляет вперёд на двух уродливых ногах. Его длинное бескровное лицо обвисло, словно даже потекло, как испорченное молоко, а рот кривится в безумном подобии наивной улыбки. Глаза без зрачков скрыты дымкой, а пальцы – длинней предплечья Воркса.

Чудовище подбирается всё ближе, нависая над домами. Кажется, что оно ковыляет вслепую. Его губы расходятся, мелькает белый язык, пробуя воздух.

Воркс снова начинает считать. Девятое Тонедда. Ничего не сеять в Урде. Снимать жатву второго... чего? Он больше не помнит. Ужас сжимает его сердце, словно когтями. Бледный король подходит всё ближе, за его спиной развеваются лохмотья, а впереди него растекается по сверкающей земле трупная вонь...

Греда готовится к бою, Воркс видит, как она сжимается в комок. Другие крепче стискивают оружие, хотя их лица и застыли от страха. Двадцать пять... слишком мало. Их могло бы быть хоть сто, но им не справиться с бледным королём.

Нет. Он должен делать то, что должен. Не застывать от ужаса. Биться вместе с семьёй, чтобы прогнать кошмар обратно в туман. Если Воркс умрёт, то как воин, а не трус. И это всё, что сейчас важно. Бледный король идёт к ним, неуклюже шатаясь, его когти глубоко погружаются в грунт. Туман кружит вокруг плеч чудовища, словно вихрь, когда оно протягивает руку к ближайшей соломенной крыше.

Греда первой бросается в бой, выскакивает из укрытия, крича. Кричат и следующие за ней мужчины и женщины, даже дети. Не кричит лишь сам бледный король, он не издаёт ни звука, но улыбается, улыбается...

Бежит и Воркс. Его сердце колотится так, словно готово выскочить из груди, и штырь выпал бы из руки, если бы юноша не вцепился в него так крепко. Он спотыкается, зацепившись ступнёй за кочку, и падает. Когда же он поднимается на ноги, то видит, как другие уже бьют бледного короля, пытаясь подрубить его жуткие ноги. Воркс может лишь бессильно смотреть, как чудовище отбрасывает Греду, чей труп врезается в стены клуни-амбара. Как бледный король ломает Хобола и пробивает грудь Лурта. Как тяжёлая нога вдавливая его отца лицом в грязь. Все они погибают за считанные секунды, но остальные пытаются сражаться, зная, что они обречены...

Воркс кричит, вопит от горя и ужаса надтреснутым детским голосом. Перед глазами всё мутнеет от горячих слёз, но он бьёт штырём, раздирая отяжелевшую от влаги ткань. Бледный король медленно поворачивается и смотрит мутным взглядом прямо на него. Воркс видит покрывшуюся глубокими морщинами плоть, бледную, словно лунный свет, жёсткую, как у коровы, как движутся тяжёлые складки дряблой кожи.

Воркс бросается на чудовище, замахиваясь штырём. Это так глупо, ведь он знает, что не сможет дотянуться до морды, но он всё равно прыгает, понимая, что к нему уже тянутся кости. Он закрывает глаза, не в силах и дальше глядеть в лицо бледного короля. Он – ребёнок, а страх слишком силён. В последующие дни и годы ему никогда не удастся вспомнить, что же именно произошло дальше. Воркс не сможет вспомнить даже то, успел ли он ударить или был отброшен и покатился в грязи... Это мгновение словно утопает в тумане. Мгновение, когда изменилось равновесие судеб, Ворксу не вспомнить никогда, оно словно скрылось навеки во мгле, откуда пришёл незнакомец.

Но он помнит, как увидел появившееся из мрака лицо, прикрытое капюшоном, как у людей, серое и измождённое, с кожей, словно натянутой на тонкие кости. Тогда Воркс уже лежал на земле, задыхаясь от удара и широко распахнув глаза. Появившийся словно из ниоткуда незнакомец бросился на врага, размахивая косою так же, как это делал отец Воркса.

Он был высоким, пусть и не таким огромным, как бледный король, но гораздо выше любого из смертных людей, и в каждый из секущих ударов он вкладывал невероятную силу. Воин уже ранил бледного короля, разрубил его плоть, и спутанные кишки вывалились из дряблого живота. И он не останавливался, наседая, гоня чудовище прочь, приводя его в ярость. Монстр пытался ударить в ответ, но был слишком медленным, слишком неповоротливым, и потому больше не улыбался.

Воркс вскочил. Его лёгкие словно горели, по телу текла кровь, но он едва это чувствовал. Штырь всё ещё был в его руках, и он попытался вонзить его в огромную ногу бледного короля. Тщетно, но Воркс бил вновь и вновь, пытаясь пронзить чудовище. Невероятно быстрый и сильный незнакомец кружил вокруг,

и плащ развевался за его спиной, словно цепи. Бледный король пятился, стелая, рыдая кровью. Это казалось невозможным, но древний монстр умирал.

Увидев это, на бледного короля бросились и другие поселенцы, внезапно ставшие охотниками, и не добычей. Едва веря в это, они били чудовище, и ошарашенный таким изменением монстр отступал. Конечно, это было неважно, как и удары самого Воркса, ведь всю работу делал незнакомец. Он в одиночку нарезал монстра на лоскутки, размахивая косою так, что Воркс бы ни за что не поверил, если бы услышал о таком прежде. Воин загонял чудовище обратно в туман, рассекая на части, сияющие брызги крови летели по воздуху и падали на камни.

Наконец, вой затих, затих и свист огромного стального серпа. Над телом убитого чудовища скрылся покров тумана, словно устыдившись увиденного. Рухнувший на колени и измученный Воркс не мог отвести глаз от дымки, остальные выжившие переглядывались между собой.

Мальчик гадал, не было ли это лишь жестоким сном. Не был ли незнакомец лишь призраком, пришедшим с гор, очередной жестокой шуткой ненавидевшего их мира? Но затем тот вновь появился из тумана, несломленный, высокий как сноп необрезанной пшеницы и, похоже, совсем не уставший. Его капюшон был немного оттянут, открывая взгляду серую гладкую плоть. Самое прекрасное лицо, которое когда-либо видел юнец, такое же, как у людей, но твёрдое и чистое, словно камень.

Незнакомец посмотрел прямо на Воркса, и от того, каким пронзительным был взгляд жёлтых глаз, ему хотелось краснеть, смеяться или рыдать.

- Ты храбро поступил, - сказал он.

Воркс не может ответить ничего, чувствуя себя так, словно сердце вот-вот разорвётся.

Но затем он вспоминает о погибших, что его отец мёртв, и бросается на поиски тела. Вскоре он видит среди столь многих трупов и неподвижное тело матери. Теперь он - сирота, а значит и сам всё равно что мёртв. Холод становится невыносимым. Воркс оглядывается по сторонам, с каждым мгновением всё глубже погружаясь в отчаяние. Он думает, что теперь незнакомец покинет их, ведь деревня, потерявшая лучших рабочих, едва ли доживёт даже до зимы. Но чужак не уходит, а остаётся с ними, неся раненных к одному из немногих уцелевших домов. Воркс медлит, сдерживая постыдные слёзы, и не знает что делать или куда идти.

Наконец, выжившие собираются в старом дворе. Риган, деревенский голова, слишком слепой и больной, чтобы сражаться, пытается опуститься на негнущиеся колени, но его останавливает мягкий толчок огромной руки.

- Не нужно, - говорит ему незнакомец, - вам уже давно пора подняться с колен.

Он поворачивается к остальным.

- Я покажу вам новый путь, путь стойкости. Вы безоружны, но я дам вам оружие. У вас нет доспехов, но я сделаю вам броню, которая не подведёт. Вы больны... - Он улыбается жуткой улыбкой. - Но и в этом можно найти силы.

Деревенские внимательно слушают его. Голос незнакомца странно тих, словно шелест холодного и недолгого ливня, но полон убеждённости. Воркс никогда такого не слышал.

- Люди собираются вместе, - продолжает говорить чужак, - люди из каждой долины. Враги слишком

долго разделяли вас, не давая узнать друг о друге. Станьте же вместе несокрушимыми, найдите в себе силы, о которых не знали. Присоединяйтесь ко мне и никогда более не бойтесь ведьмовства.

Воркс оглядывается вокруг, чувствуя непривычный комок в горле. Он позволяет себе надеяться, что они поднимутся, возьмут своё простое оружие из грязи и здесь же присягнут своему спасителю. Но это разбитая деревня, населённая сломленными людьми. Риган окидывает взглядом выживших, согнувшихся от усталости и покрытых кровью, и видит, что ни у кого нет сил.

- Мы благодарим тебя, господин, - слабым голосом говорит он. - И будем вечно верны тебе до конца своих дней. Но поля... - Он запинается. - Нам нужно отстроить дома.

Незнакомец смотрит на Ригана, потом на других крестьян. На его тонком лице нет презрения, а взгляд оценивающий и спокойный. Наконец, он кивает, после чего вновь накидывает на голову капюшон.

- Это ваше решение, - говорит незнакомец.

А затем он отворачивается от них и идёт прочь по разбитой тропе. Древяк косы глубоко погружается в влажную землю. Спустя мгновения он вновь исчезает в никуда, растворяясь в безграничном море тумана, вечно служившим поселению и укрытием, и тюрьмой.

Воркс не может отвести от него взгляд, чувствуя, что это худший из всех кошмаров. Теперь все смерти стали бессмысленными. Недолгое и ужасное мгновение борьбы завершилось. Когда же он оглядывается, то видит, как выжившие собираются вокруг Ригана и поздравляют его. Они уже говорят о том, как вновь посадить посевы... отстроить стены, которые никогда не могли удержать ничего.

Глядя на кучку людей, Воркс чувствует жуткую уверенность, такую сильную и ясную, что всё вокруг меркнет. Он знает, что жизнь в поселении будет кое-как продолжаться и дальше, а голод становится всё сильнее, рёбра её жителей станут ещё виднее, пока к ним приближается медленная смерть. Они встретят её без чести и сопротивления, а с пониманием. Ведь они всегда были слабы и не могли бороться, а потому покорно примут всё, что придёт, ведь такова воля вселенной...

И в этом крылся величайший ужас. Не понимая, что он делает, Воркс вскочил, обернулся и побежал по дороге, поскользываясь в грязи. Он слышал, как его зовут, но не слушал. Он видел, где лежит тело его отца, но не остановился. Спотыкаясь, он спешил, идя всё дальше по разбитым полям на бесплодной земле мимо деревьев, с которых осыпалась листва.

В этом мире было трудно бежать, ведь грязь была слишком липкой, а воздух слишком мерзким. Потому Воркс шагал так быстро, как только позволяли ему молодые ноги, опустив голову, сдерживая слёзы, которые хлынули бы, если бы он хоть на мгновение задумался о том, что оставляет позади. Он видел в грязи вмятины там, где в неё погрузилось древко косы, отмечая дорогу, и шёл по ним. Но с каждым шагом путь становился тяжелее. Земля поднималась, склон становился всё круче, и уже скоро Воркс оказался в незнакомых ему землях. Скользкие скалы, ветер, терзающий его, словно нож, одежда, пропитавшаяся влагой, липнущая к дрожащему телу...

Вскоре даже чувство уверенности ускользнуло от Воркса. Он продолжал идти, но в его разуме кружили сомнения, вытягивая силы и ослабляя его решимость. Но он не оглядывался, зная, что если посмотрит назад, то сломается, увидев остатки всего знакомого и успокаивающего.

Смотри на дорогу, двигай ногами. Время ползло мучительно медленно. Он уже не дрожал, а трясся, задыхаясь, дыша неглубоко. Земля поднималась всё выше и выше, воздух стал едким, жалящим губы. Наконец, Воркс рухнул на колени, обливаясь потом. Теперь он понимал всю мудрость Ригана и свою

глупость, но ему больше ничего не осталось, кроме как двигаться дальше. Он полз вперёд, обдирая до крови колени и ладони, кашляя...

Воркс так никогда и не узнал, сколько времени незнакомец наблюдал за его борьбой. Некоторые вопросы лучше не задавать, хотя, как он сам потом думал, наверняка прошли часы. Он едва мог видеть и слышать, когда из тумана появился чужак и осторожно поднял юнца с залитых кислотой камней, прижав к его рту шерстяную маску, пропитанную какими-то травами. Он едва различил суровое как скала лицо, склонившееся над ним.

- Если ты не отступишься, то мучениям не будет конца, - сказал ему незнакомец. - Достаточно ли ты силен, чтобы вынести их?

Воркс тяжело вздохнул, чувствуя в глотке едкую желчь мира.

- Сделай меня достаточно сильным.

После Воркс увидел столько чудес. Стены, сделанные не из трухлявых глинобитных кирпичей, но камней, вытесанных из сердца гор. Клинки, отточенные, острые. Куски закалённой кожи, сшитые вместе и дублёные, чтобы смастерить доспехи, способные выдержать затупившиеся ножи бледняков. В крепостях, вздымающихся на плечах терзаемых бурями высоких гор, делали маски, способные не пропустить худшую отраву. Кузнецы, прежде обитавшие в долинах, но теперь поднявшиеся сюда, непрерывно трудились, останавливаясь лишь для того, чтобы поспать и поесть. Теперь, сбросив оковы усталости и вялости, эти люди наполнились почти фанатичным энтузиазмом.

Воркс быстро приходил в себя. Его приняли как своего, кормили, дали дом рядом с другими юнцами. Обучали, укрепляя мускулы, делая из худощавого тела оружие, крепкое как стальной капкан. Юнцы составляли большую часть собирающейся армии, и все они выглядели одинаково - запавшие щёки и животы, почерневшие губы, круги под глазами, но становились всё сильнее, оставаясь здесь.

Однажды, когда его обучали использованию длинной фермерской косы как оружия, Воркс спросил об имени того, кого за доблесть в бою звали Повелителем Смерти.

- Мортарион... - ответила ему наставница Флаунн, женщина с широкими бёдрами, рождённая в глубокой лощине на другой стороне далёких гор. - Не называй его так, ведь это имя, данное ему тем, кого он ненавидит.

- Тогда почему он не выбрал другое?

- Потому что люди не выбирают имя, - ответила она, ударив его по рукам, - а имя выбирает человека. Будь внимательнее, если не хочешь остаться без локтей.

И потому Воркс не стал менять своё имя, чтобы отметить вступление в новую жизнь, и забрал его с собой к звёздам, пусть оно и было дано ему порабощёнными и напуганными людьми. Так же поступили и все прошедшие после него испытания легиона, сохранив эти отметины рабства как напоминание и предупреждение.

Но это было потом. Пока же Воркс учился, впитывая знания и понимая, чтобы использовать их. Ему быстро удавалось разобраться во всём. Сперва он делал так, чтобы хоть чем-то занять мечущиеся мысли, но вскоре понял, что жаждет знаний ради знаний. У Воркса оказалась превосходная память, в которой

нашлось место и для содержания арсеналов, и для изобретений, и для типов доспехов, и для количества воинов в каждом подразделении растущей армии Повелителя Смерти. Тогда же Воркс и заподозрил, что Мортарион знает многое, чему не мог научиться в этом мире, ведь Повелитель Смерти использовал слова «когорта» и «манипула», звучащие так странно. Тогда же Воркс и узнал, что у его мира было имя, Барбарус, «Варварский», пусть он и не понял, почему планета называется так. Юнец предположил, что эти земли так назвал сам Мортарион, возможно, чувствовавший презрение.

Разумеется, само название мира не «землёй» или «миром» подразумевало, что существуют и другие небесные тела. Конечно, ничто на это не указывало, об этом не говорил даже сам Мортарион. Но это наводило собравшихся людей на мысли, заставляя задуматься о времени, когда они узнают обо всех долинах, нанесут их на точные карты, а затем покорят. Заставляло задуматься о времени, когда вся их реальность станет единой, сплочённой под знаменем Повелителя Смерти, и когда в туманах больше не останется кошмаров.

О времени, когда тень Древней Ночи будет изгнана навсегда, о рассвете новой эпохи единства.

И вскоре Воркс вновь отправился в бой, на этот раз с настоящим оружием. Он облачился в кожаные доспехи, надел прилегающую к коже маску, закрывающую рот и нос. В руках он взял оружие, созданное по образу фермерской косы и популярное среди его товарищей. Ворота крепости со скрежетом распахнулись, и он зашагал в плотном строю вместе с остальными воинами по высокому мосту, под которым клубились тонкие облака.

Мортарион шёл впереди, как и всегда. Он вёл их всё выше, и даже через маску Воркс чувствовал в воздухе отраву. Некоторые падали, не выдержав яда, и их оставляли лежать на земле. Это не было чёрствостью и безразличием, ведь промедление здесь было подобно смерти, да и едва ли они смогли бы им чем-то помочь, но всё равно... меняло людей. Они начали воспринимать подъём в гору как испытание силы, отсеивающее тех, кому не суждено вступить в бой, и усваивали этот урок.

После многих часов пути они забрались на поляну, находившуюся на восточных склонах среди чёрных утёсов и отвесных скал. В другом мире здесь могли бы расти цветы, но только не на Барбарусе, где почва была твёрдой, как железо. Здесь они нашли тех, на кого охотились – стаю бледняков, безволосых и голых, тонких как тростинки. Твари с молочно-белыми глазами и кожей слепо бродили в клубах жёлтого тумана. Когда-то они были людьми, живыми, с горячей кровью, но теперь их дыхание стало сухим и едким. Такие жуткие существа были лишь творениями ещё худших чудовищ, обитающих во мгле, королей и им подобных. Кто знает, зачем они создавали всех бледняков? Возможно из-за бессмысленной тяги к жестокости, а может скуки или совершенно чуждых и жутких побуждений.

Увидев их, Мортарион не закричал, не стал отдавать приказов и не перешёл на бег. Таковы были битвы в этом мире. Они наступали в безмолвии, уже обговорив все планы, их сапоги погружались в грязь, а клинки тускло сверкали в тумане. Молчали и бледняки, ведь они уже были мертвы, а их глотки стали сухими, как прах в гробу.

Такой же жуткой была и битва. Раздающиеся тихие стоны и стук, вздымающиеся и опускающиеся косы среди боя не яростного, но холодного, проливалось так мало крови. Воркс бился так же усердно, как прежде работал в полях. Он размахивал косой, держа её двумя руками так, как его учила Флаунн. Он убил первого бледняка, ловким рывком серпа вырвав ему горло прежде, чем тварь успела вцепиться ему в глотку неестественно длинными белыми когтями. Мертвец лишь оцарапал ему броню.

Воркс почувствовал трепет в душе, разрубив шею раненной твари пополам, и услышал тихий звук, как если бы разорвался пергамент. Повсюду вокруг по шипящей траве наступали его собратья, тесня бледняков, ни уступая ни пяди занятой земли, не останавливаясь ни на миг.

На мгновение Воркс окинул поле боя взглядом и увидел, что Мортарион, как и всегда шедший в первых рядах, размахивает косой, каждым ударом разбрасывая худых тварей. Он видел, что несокрушимый и непобедимый Повелитель Смерти возвышается над самыми рослыми воинами. Повсюду вокруг над ними нависали горы, но даже они не выглядели такими крепкими, как их предводитель.

Воркс ещё не знал, чем на самом деле был Мортарион, и узнал лишь много лет спустя. Но это не имело значения. Тогда один быстрый взгляд сказал ему всё, что нужно, что Повелитель Смерти – один из них. Что он тоже был отравлен этим миром, истекал кровью, но выстоял. Прежде у жителей долин не было выбора, они даже забыли, как задумываться о новых возможностях, но теперь благодаря нему снова учились этому.

И тогда Воркс понял, что последует за Мортарионом до самой смерти. Будет сражаться ради своего господина когда угодно и с кем угодно, получив от него приказ, и что отныне и навсегда в этом его предназначение. Внезапно он почувствовал такую же гордость, как когда пал бледный король, ощутил себя частью великого дела.

Но сделать предстояло ещё много. Воркс понимал, что, как ему говорили ему не раз, их труд никогда не будет завершён, что не следует тешить себя надеждами на другое, что Барбарус – мир лишь для прилежных и стойких. И потому он вновь и вновь взмахивал косой, с каждым ударом и каждой последней смертью врага чувствуя, что его руки становятся чуть сильнее.

Ещё один мир, охваченный пламенем, которое не угаснет десять тысяч лет. Его некогда ясные синие небеса теперь стали серо-чёрными, подсвеченными зловещим сиянием запретного оружия. Воздух – разрежен так, что им больно дышать, и почти так же ядовит, как и на вершинах Барбаруса, хотя здесь это из-за химических соединений, намеренно выпущенных в атмосферу.

Воркс сражался на многих полях битв, но это было и всегда будет величайшим. С этой битвой не могла сравниться ни одна отгремевшая прежде, да и в будущем подобных не будет, ибо сейчас здесь решалась судьба целого вида. Это понимали все собравшиеся, потому сражавшиеся с необыкновенным пылом, которого они не ощутят потом.

Воркс бросил короткий взгляд вверх и увидел стены, такие высокие, что голова шла кругом, и такие похожие на старые склоны гор. Сейчас за каждую их пядь шли бои, и подобно призракам на мрачной поверхности танцевали клубы огня, отражавшиеся в алмазном, краску с которого содрали горючие вещества. Вскоре эти стены падут, как пали и на Оура'Нуоама целую жизнь назад, и тогда бой станет ещё более жестоким. Наступит завершение их долгого странствия через пространство и время, и тогда они узнают, правильно ли поступили, заключив тёмную сделку в пустоте.

Воркс не чувствовал усталости, его тело уже менялось, утолщалось, росло. Он чувствовал, как внутри него рождаются Дары, и знал, что если доживёт до конца битвы, то выйдет из неё изменившимся ещё сильнее, чем прежде. Вскоре он встанет со своим серпом жнеца рядом с братьями, бьющимися за великие врата. Но пока же он охотился, идя по запаху, который ощутил сразу после приземления. Он словно шёл по нити, уцепившейся за его душу, нити горечи, тлевшей так долго. Воркс шагал к высоким проломам по смертельной земле, видя на горизонте взрывы запрещённого разрушительного оружия.

Да, сейчас он потакал своей слабости, за что, возможно, должен был ощутить стыд, но теперь он слышал иные голоса, те, которые поощряли этот выбор. Воркс знал, что исполняет божью волю, ведь как ещё он смог бы найти одну незначительную душу среди бесчисленных тысяч, сошедшихся в битве за Тронный мир?

Они встретились в тени разбитой арки, преграждавшей путь дальше, среди груд трупов и обломков.

Похоже, что Каманио ждал его: возможно, ваалец обладал подобием предвидения своего возлюбленного господина. Кровавый Ангел выглядел так же, как и тогда, столько лет назад. Тела его легиона не раздулись от укрепляющих Даров, и потому стоящие на страже залов деспота воины были непростительно слабы.

Они могли бы получить столь многое, если бы захотели. Могли бы выбрать путь, ограниченный лишь их воображением.

- Вы были отбросами уже тогда, - сказал Ворксу Каманио, направив на него меч. - Мы все это понимали.

Воркс улыбнулся, но не ответил. У него не было слов, чтобы бросить вызов в ответ, их не было никогда, и потому они просто сошлись в бою, инстинктивно меняя заученные стойки и нанося удары. Они оба были так хороши в своём деле. Но Каманио устал. Похоже, что он сражался без передышки много недель, а возможно, дольше, и даже у его безграничных сил были свои пределы. От мысли, что вскоре всё закончится, Воркс ощутил странную горечь.

- Если бы я знал тогда, чем всё обернётся, - тяжело выдохнул Каманио, наседая на него, - то перерезал бы тебе глотку.

«Если бы я знал...» Какие верные слова, которые мог бы сказать любой из них.

Постепенно Воркс понял, что и он не сражается в полную силу. Внимательно посмотрев на своего врага, на то, как разбита и почернела его красно-золотая броня, Гвардеец Смерти осознал, как война уничтожила былую красоту. Он знал, какие муки подобные утраты причиняют страдающим от них гордым душам, и это ему не приносило никакой радости. Оскорбление, сказанное так давно без мыслей о вечности, показалось лишь пустяком.

Но затем вдалеке он увидел знакомый проблеск зелёного и разобрал такой далёкий приглушённый бой мух. Примарх вступил в бой, как и на Оура'Нуоама, в позабытые времена, когда в симметриях видели лишь совпадения. Как и всегда, Мортарион лично вёл своих воинов, уверенно идя вперёд. Он был слишком далеко, чтобы Воркс мог увидеть примарха глазами, но всё равно мог представить как развевается длинный плащ на бронзовых доспехах, лучших, чем что-либо, что могли бы сделать на ненавистном Барбарусе, как внушает благоговение измождённое тело. Даже примарх уже принимал Дары, чьё величие было невозможно осознать.

- Кожа да кости? - процедил Воркс, ударив косой в грудь Каманио. Лезвие прошло сквозь прекрасные доспехи и впилося в рёбра.

Пронзённый Кровавый Ангел согнулся, бессильно забив руками. Где-то так близко и так далеко Мортарион шёл навстречу истории, убивая не с яростью, но со сдержанностью, немислимой для любой иной живой души в мироздании. Воркс шагнул ближе, желая, чтобы вонь его дыхания стала последним, что ощутит Каманио.

- Кожа да кости.

Рывок, треск, и дело сделано. Арка зачищена, путь открыт.

- Но он сделал меня достаточно сильным.

А затем, не спеша и не медля, как и всегда, он переступил порог.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Объединение/_Unification_\(рассказ\)&oldid=17849](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Объединение/_Unification_(рассказ)&oldid=17849)

Эта страница в последний раз была отредактирована 4 октября 2021 в 10:20.